

Институциональные препятствия на пути привлечения к гражданской ответственности?

Научный руководитель – Шварц Михаил Зиновьевич

Чибинов Дмитрий Владиславович

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет, Кафедра гражданского процесса, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: dmchibinov@gmail.com

Лицо, разрешающее своей властью споры, будь то государственный судья или номинированный сторонами арбитр, должно быть независимым. В связи с этим на государстве лежит важнейшая функция обеспечения этой независимости в первую очередь для судей, но и для арбитров. Одним из направлений такой государственной протекции является обеспечение невмешательства в деятельность судей и арбитров, отсутствия любых форм давления на них, мешающих принятию решений исключительно на основе применимого права и внутреннего убеждения судьи и арбитра. Эти цели, в том числе, достигаются за счет законодательного ограничения возможности привлекать судей и арбитров к какой-либо ответственности, в том числе гражданской, в связи с осуществляемой ими деятельностью по разрешению споров, ибо судья и арбитр при принятии решения не должны даже думать о каких-либо последствиях такого решения лично для них [1].

Для российского закона устоялся подход, согласно которому ответственность арбитра, судьи или государства (за судью в порядке пункта 2 статьи 1070 ГК РФ) связывается с привлечением судьи или арбитра к уголовной ответственности. Анализ правовых последствий существования этого «барьера» и представляет предмет данного блога: несмотря на давнее существование этого подхода в российском законе, теоретического осмысления, насколько известно по исследованным российским источникам, он не получил: ученые больше концентрируются на самой целесообразности подобного жёсткого ограничения, но не следствиях выбранного законодателем решения [2]. Тем не менее, я полагаю это упущением и со своей стороны предложит различные толкования «барьерного» регулирования для ответственности лиц, обобщенно выражаясь, разрешающих споры. Актуальность данной темы исследования связана с тем, что общественный запрос на введение ответственности лиц, разрешающих споры, непременно растёт, и это вопрос времени, когда законодатель вернется к этой проблеме для ее капитального пересмотра.

Начать рассмотрение данного вопроса целесообразно с обзора законодательного материала по проблеме.

Так, исторически первой нормой являются положения пункта 2 статьи 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» - «Судья, в том числе после прекращения его полномочий, не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта».

За ним же следовало в 1996 г. введение «заградительной» ответственности государства за вред, причиненный судьей при отправлении правосудия, в пункте 2 статьи 1070 ГК РФ: «Вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается [государством] в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу». Ригоризм подхода законодателя был сглажен в постановлении Конституционного Суда РФ

от 25 января 2001 г. № 1-П, где суд указал на то, что для случаев причинения вреда некоторыми судебными актами, которые не разрешают спор по существу, вина судьи может доказываться «иным судебным актом», однако законодательного регулирования эта ситуация, вопреки требованию Конституционного Суда РФ, так и не получила. Однако для целей данного блога это уточнение Конституционного Суда РФ не имеет большого значения, ибо сохраняется изначальная логика: для привлечения государства к ответственности по пункту 2 статьи 1070 ГК РФ потерпевший должен сначала провести отдельное судебное дело, получив судебный акт, доказывающий вину судьи в причинении вреда. Далее для удобства применительно к пункту 2 статьи 1070 ГК РФ я буду ссылаться только на приговор суда как условие ответственности государства.

Дальнейшее развитие этот вопрос получил в статье 51 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», согласно которой «Арбитр не несет гражданско-правовой ответственности перед сторонами арбитража [...] в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением функций арбитра и в связи с арбитражем, за исключением ответственности в рамках гражданского иска по уголовному делу, который может быть предъявлен к арбитру в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации в целях возмещения ущерба, причиненного преступлением, в совершении которого арбитр будет признан виновным в установленном законом порядке». Данная статья долгое время была исключительно декларативной, однако спустя пять лет после ее принятия, в октябре 2020 г., все же была введена статья 200.7 УК РФ (подкуп арбитра), формально открывшая доступ к привлечению арбитра к ответственности.

Нетрудно заметить, что, имея общую задачу обеспечения независимости судьи и арбитра, текстуально эти статьи несколько отличаются. В пункте 2 статьи 1070 ГК РФ указано: «[...] если вина судьи установлена приговором суда [...]»; в пункте 2 статьи 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» - «[...] если только [...] приговором суда не будет установлена виновность судьи [в совершении преступления] [...]»; в статье 51 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» - «[...] в рамках гражданского иска по уголовному делу [...] в целях возмещения ущерба, причиненного преступлением, в совершении которого арбитр будет признан виновным [...]». В связи с этим актуализируется вопрос о том, какого же действительное значение приговора суда для целей привлечения судьи, арбитра или государства к гражданской ответственности.

Возьмем в качестве первого предположения, что приговор суда есть исключительно доказательство вины судьи или арбитра в гражданско-правовом смысле: данное толкование следует из пункта 2 статьи 1070 ГК РФ. Для того, чтобы разобрать этот вариант, стоит начать с того, что ответственность за вред, причиненный арбитром, равно как и судьей, несмотря на имеющиеся в доктрине дискуссии, является в своей природе деликтной, что предопределяется специфическим объектом посягательства - абсолютным благом, коим является конституционное право каждого на судебную защиту [3]. Отсюда можно поставить вопрос так: в какой момент нарушение права потерпевшего действиями арбитра или судьи - деликт - состоялось?

Из положений статьи 1064 ГК РФ следует, что нарушение права происходит в момент, когда наличествует полная quadriada состава деликта: (i) факт причинения вреда, (ii) противоправность в действиях причинителя вреда, (iii) причинная связь между действиями причинителя вреда и наступившими последствиями и (iv) вина причинителя вреда. Применительно к деликтам лиц, разрешающих споры, этот состав подвергается существенным изменениям по сравнению с общими правилами. Из самых очевидных можно выделить две корректировки:

Во-первых, такое следствие принципа генерального деликта как презумпция противоправности любого причинения вреда не применяется в условиях того, что вступившее в силу решение суда или третейского суда является обязательным до его отмены в установленном законом порядке (или до отказа в приведении решения третейского суда в исполнение). Соответственно, пока решение не дезавуировано в установленном порядке, считается, что оно соответствует закону, а потому противоправность отсутствует. Во-вторых, Конституционный Суд РФ в своем известном постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П применительно к пункту 2 статьи 1070 ГК РФ указывал, что «[...] в предусмотренном им случае не действует презумпция виновности причинителя вреда, вина которого устанавливается в уголовном судопроизводстве, т.е. за пределами производства по иску о возмещении вреда». То есть здесь Конституционный Суд РФ усматривает две особенности такого состава деликта как вина судьи (а государство отвечает именно за противоправность судьи, а не за свою собственную): она не презюмируется и устанавливается отдельно в рамках уголовного процесса.

Это принципиально важное уточнение - привлечение судьи к уголовной ответственности, по крайней мере в логике толкования пункта 2 статьи 1070 ГК РФ со стороны Конституционного Суда РФ, — это лишь особое правило позитивной допустимости доказательств (статья 68 АПК РФ, статьи 60 ГПК РФ) - вина судьи для целей привлечения государства к ответственности по пункту 2 статьи 1070 ГК РФ как элемент состава деликта может быть доказана исключительно приговором суда как своеобразным «предустановленным доказательством» [4]. Такое решение имеет несколько интересных следствий, которые стоит рассмотреть подробнее.

Во-первых, раз уголовный процесс есть специальная форма доказывания вины судьи или арбитра, то тогда потерпевший не лишается возможности предъявить «преждевременный» иск о возмещении причиненного вреда до получения приговора суда: отсутствие достаточных доказательств является лишь основанием к отказу в удовлетворении иска, но не к отказу в его принятии. Указание в статье 51 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» именно на гражданский иск в уголовном деле как процессуальную форму компенсации убытков, причиненных арбитром, можно в этом контексте истолковать ограничительно: там, где есть гражданский иск в уголовном деле, возможен и общегражданский иск, ведь природа их тождественна. Значит, если такой иск подлежит рассмотрению, то это означает, что ответчик (судья, арбитр или государство) может его признать или заключить с истцом мировое соглашение, а суд не может отказать в санкционировании этих распорядительных действий ввиду необходимости представления приговора суда как доказательства виновности судьи или арбитра.

Во-вторых, возникает вопрос о последствиях предъявления такого «преждевременного» иска (при отсутствии уголовного дела, до которого можно приостановить производство по гражданскому делу). В таком случае суд, очевидно, откажет в удовлетворении исковых требований, что поставит вопрос о том, может ли потерпевший повторно обратиться в суд с иском о возмещении причиненного вреда к арбитру, судье или государству, если в последующем судья или арбитр будет привлечен к уголовной ответственности? Или же заявить такое требование в порядке гражданского иска в уголовном деле? Это вопрос о тождественности заявленных исков: меняет ли привлечение арбитра или судьи к уголовной ответственности основания иска о возмещении вреда? Ключевым элементом основания любого иска являются факты повода к иску [5], то есть факты о нарушении прав потерпевшего действиями ответчика, а нарушение прав ответчиком уже состоялось, когда был собран полный состав деликта. Следовательно, отказ в удовлетворении «преждевременного» иска лишает потерпевшего права на последующее заявление каких-либо требований

о возмещении причиненных убытков, в том числе в рамках гражданского иска в уголовном деле, даже если судья или арбитр будет привлечен к уголовной ответственности, в связи с чем производство по «новому» иску подлежит прекращению в связи с наличием тождества заявленного требования с уже рассмотренным.

Отсюда, конечно, вытекает острый вопрос о сроках исковой давности на возмещение вреда, причиненного судьей или арбитром. Если приговор есть лишь особое доказательство вины арбитра или судьи в причинении вреда, а вина арбитра или судьи, как и сам состав деликта, наличествует до вынесения приговора суда, то возникает ситуация, когда срок исковой давности на возмещение причиненного судьей или арбитром вреда уже начал свое течение, но потерпевший не может эффективно обратиться в суд с иском, так как при отсутствии приговора уголовного суда его обращение в суд будет заранее безуспешным. Давность на возмещение причиненных убытков перестанет течь либо в момент предъявления гражданского иска в уголовном деле, что косвенно вытекает из абзаца 2 пункта 2 статьи 204 ГК РФ: «Если судом оставлен без рассмотрения иск, предъявленный в уголовном деле, начавшееся до предъявления иска течение срока исковой давности приостанавливается до вступления в законную силу приговора, которым иск оставлен без рассмотрения», либо в момент предъявления общегражданского иска после возбуждения уголовного дела, до результатов которого будет приостановлено рассмотрение гражданского дела. В этой связи потерпевший находится в скованном положении: его давность на возмещение убытков течет, но он зависит от действий органов власти по получению санкции на возбуждение уголовного дела (для судей), возбуждению уголовного дела в отношении судьи или арбитра. Получается, что исковая давность на возмещение убытков потерпевшего продолжает течение в условиях отсутствия возможности у истца эффективно защитить свои права.

Есть и иная трактовка положений действующего законодательства, которая, как представляется, больше следует из статьи 51 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» как образца более позднего закона: приговор не есть единственно возможное доказательство вины судьи или арбитра, но только лишь **институциональное препятствие** для возбуждения производства по гражданскому делу против них. В этом смысле преодоление институционального препятствия является активно легитимирующим фактором для потерпевшего. Это явление сходно по своей природе со специальным подводом для возбуждения уголовного дела: преступление уже было совершено, но пока специально уполномоченный орган не отправит материалы дела следователю для возбуждения уголовного дела, оно не может быть возбуждено на основании общих поводов.

Такое толкование видится более логичным, так как оно снимает те затруднения, которые могут возникнуть в связи с началом гражданского дела до возбуждения уголовного дела, а главное - оно соответствует изначальной и очевидной воле законодателя оградить судей и арбитров от какого-либо гражданского преследования до окончания уголовного преследования в целях защиты их независимости, обеспечив при расширительном толковании положений статьи 134 ГПК РФ и статьи 127.1 АПК РФ возможность пресечь гражданское дело на этапе принятия иска к производству.

Более того, такое восприятие закона позволяет дать вариант решения проблемы с исковой давностью. Так, статья 200 ГК РФ уже в свое время сделала рывок в своем развитии, добавив к составу, требуемому для начала течения исковой давности, знание или должностное знание истца о личности ответчика, нарушившего право истца, без чего защита прав потерпевшего невозможна. Здесь можно было бы сделать еще один шаг: исковая давность не начинается своего течения до момента преодоления институциональных препятствий, юридически не дающих потерпевшему возможности предъявить свои тре-

бования о возмещении вреда к судье, государству или арбитру до окончания уголовного дела. Такое толкование статьи 200 ГК РФ будет новой гранью применения известного принципа исковой давности - **agree non valenti non currit praescriptio** («для неспособного к предъявлению иска не течет исковая давность») [6].

Однако нельзя не отметить, что этот подход ставит судью, государство или арбитра в тяжкое положение подвешенности: сначала ожидать отмены решения или отказа в выдаче исполнительного листа на его исполнение (для арбитров), потом санкционирования возбуждения уголовного дела (для судей), потом полноценного проведения уголовного процесса в пределах давности на привлечение к уголовной ответственности и еще три года на возмещение убытков, а если эти убытки были компенсированы государством за судью, еще три года для регрессного иска государства к судье. Или положение подвешенности есть разумная цена за процессуальную льготу в виде институционального препятствия, которое отсеет большую часть желающих получить компенсацию причиненного судьей или арбитром вреда?

Резюмируя же эти размышления можно сделать вывод, что правило о том, что для привлечения судьи, арбитра или государства к гражданской ответственности нужно сначала привлечь судью или арбитра к уголовной ответственности, не связано с установлением такого элемента состава деликта как вина, но является институциональным препятствием для возбуждения гражданского дела. Поскольку до преодоления институционального препятствия потерпевший не имеет возможности защищать свои права, исковая давность на предъявления соответствующего иска к судье, арбитру и государству не начинается своего течения.

Источники и литература

- 1 Sirros v. Moore (1974), Q.B. 118;
- 2 Афанасьев С.Ф. Прозрачность доступности правосудия по искам о возмещении государством вреда в порядке п. 2 ст. 1070 ГК РФ // Российский судья. 2014. N 11. С. 40 - 44
- 3 Шварц, М.З. К вопросу о правовом режиме ответственности арбитра: первые размышления / М. З. Шварц // Третейский суд.-2017.-№ 2.-с. 151;
- 4 Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922-2006) / А.Л. Маковский М.: Статут, 2010;
- 5 Ивакин В.Н. Фактическое основание иска: понятие и состав // Актуальные проблемы российского права. 2020. N 4. С. 74 – 82 (представлен обзор литературы по проблеме)
- 6 Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0] 1264 с.;